

Ханс. правда. 1993. - 27 нояб. - с. 8

Любимая мизансцена Аллы Демидовой: диван, книжка, две собаки, кот

— Алла, ты всегда отстранялась от житейских дел, существовала в своем мире, который не вписывался в нашу действительность. Первая твоя книга называлась «Вторая реальность», новая — «Тени за зеркалом». Как твоё зазеркалье сопрягается с сегодняшним взбудораженным временем?

— Житейские дела меня всегда мало трогали, хотя считаться с ними приходится. Вторая реальность, зазеркалье, — в этом, по существу, душа театра. В моем представлении о реальности многое перевернули октябрьские события. Я газет не читаю, редко смотрю телевизор. Политические игры мне неинтересны. Третьего нагрянули две американики. Я должна была их куда-то повести. Решили ехать в музей Льва Толстого. Уже на Садовом кольце чувствовалось что-то неладное. Милиция, народ, заграждения. Думала, очередная демонстрация. Дом в Хамовниках пустой. Все тихо, мирно. Смотрительницы включили нам старинный вальс. И мы даже безмятежно танцевали. Потом дали послушать Толстого. Он говорил тоненьким голосом: «Делайте добро! Делайте только добро».

— Какой-то стороной политика захватывает каждого, внутренне ставит перед выбором...

— Я всегда хотела быть с порядочными людьми. Это не политика, а жизнь. Как все, я иногда заблуждалась, принимая маску за лицо. Сейчас ошибаюсь реже, потому что после сорока лет любое притворство очевидно.

— В вашей конфликтной театральной ситуации, как я понимаю, лицо сохранить удалось не каждому?

— Таганка — зеркало социальной, общественной жизни. В нашей стране делаются фабрики, заводы, институты, семьи. Распадается, растаскивается многое. В театре есть и были недовольные. У «Белого дома» было сорок тысяч недовольных. Все может произойти — смута, бунт, революция. Хорошо, что вовремя остановились. У нас в театре не бунт, а мародерский захват помещения. Труппе Любимова остается Малая сцена. А группа Губенко претендует на Большую. В русской истории театр знал разделения. Из недр Художественного театра родился первый и второй МХТ. Отделился «Современник», родившийся в недрах Художественного. Каждый искал себе помещение. У ермоловцев — два театра под одной крышей. Ничего хорошего из этого не получилось.

— Ермоловцы это осознали, и сегодня театр объединился под руководством Владимира Андреева.

— У нас, к сожалению, конфликт зашел слишком глубоко. Думаю, что воссоединение невозможно. 8 октября было объявлено об открытии сезона и тут же о закрытии. Это был самый короткий сезон в истории театра. В таких условиях существовать нельзя. Нельзя жить, когда сын выгоняет отца или выделяет ему маленькую комнатку. У нас есть контракты, которые мы должны выполнять. Часть труппы едет в Испанию с «Преступлением и наказанием». Затем Париж. Это не коммерческие гастроли.

— Стремление к разрушению разлито в воздухе. Темные страсти кипят во всех областях нашей жизни. Но, может быть, вы удержитесь на трапеции — не погибнет Таганка?

— Я говорю не о разделении Таганки, а о закрытии ее. А закрывают театры всегда в смутные времена. В страшные годы, когда перестал существовать театр Мейерхольда, воспользовались недовольством труппы. Дело тут не в сложном характере Мастера: черным гением. Театр закрыли, и мастера расстреляли. Другое время, другой театр — Камерный. Воспользовались разногласиями в труппе — театр одной актрисы, Алисы Коонен. Театр закрывают, и умирает Таиров. Сложности в труппе еврейского театра, не ладится с репертуаром. Убивают Михоэлса. Театр закрывают.

— Ты выстроила скорбный ряд. С вашим театром, мне ка-

Строки из книги актрисы:

«А потом мне было видение: в небе трапеция, с которой я падаю, но успеваю перехватить другую трапецию. Это видение сопровождает меня. И сейчас мне кажется, что судьба моя на каком-то повороте».

Кадр из фильма «Щит и меч».

жется, случай другой. Это внутренняя склока, высшие инстанции к ней непричастны. Министерство культуры на вашей стороне.

— Мы надеемся, что здравый смысл восторжествует. Но если Таганку закроют, будет другой театр, с иной эстетикой. Пока у противников Любимова нет ни одного спектакля. Сейчас вообще театры на распутье. Идут поиски новых форм. А разве «Доктор Живаго» — не свидетельство таких поисков? Такая выверенность, глубина мизансцен, красота калейдоскопа света. Драматические актеры поют. Зрелище удивительное. Мастера есть, что сказать публике. Если театр закроется, Любимов будет королем Лиром, которого изгнали собственные ученики. Может, это прибавит ему славы и успеха за рубежом.

— Расскажи о своем театре. Пока широкой публике мало что об этом известно.

— Так случилось, что я организовала свой театр. «Театр-А». А — первая буква, начало. Другим хватит места. Буква входит в мое имя. И Ангел Хранитель, который меня часто спасал. Пока у нас два спектакля. Помещение арендовали у театра, за двадцать процентов сборов. Все началось с «Федры» Цветаевой. Спектакль поставил Роман Виктюк. Было очевидно, что эта постановка не вписывается в репертуар Таганки. Режиссер искал свою эстетику, свой почерк, который ярко проявился в «Служанках» и других его спектаклях. Играть этот спектакль под грифом Таганки было бы сложно. И мы купили его у театра, сыграв несколько коммерческих представлений. Оставшиеся деньги решили вложить в новый спектакль «Квартет». Спектакль «Квартет» по пьесе Генри Миллера я увидела в Греции. Поставил его Теодор Терзопулос. И представляешь, греческий режиссер предложил бесплатно сделать спектакль в Москве! Мне в подарок. Я очень обрадовалась. Но когда прочитала подстрочник, пришла в ужас. Там были слова, которые я бы никогда не позволила себе произнести. Мне неинтересно играть чисто физиологические отношения между мужчиной и женщиной. Постаралась вытянуть тему «любовь — разрушение». Мне кажется, не все получилось, как я задумала. Но режиссер приехал, деваться некуда. Привез и ткани для костюмов. А в Греции мы играли спектакль с местными актерами. Там звучало все иначе, более романтично. Один акт играли греки, другой — мы. Было ощущение вечного движения жизни. Я хочу восстановить «Вишневый сад» Анатолия Эфроса. С молодыми актерами. На Раневскую поищу молодую странную «звезду».

— Мне очень странно слышать о твоих коммерческих делах, всегда считала тебя человеком непрактичным.

— Моя любимая мизансцена — лежать на диване с книжкой в окружении кота и двух собак. Я бы не вылезала из этого лежбища. Но жизнь заставила. Меня ведет судьба, и я ей не сопротивляюсь. Видимо, у меня очень развито чувство обязанности. Перед людьми, перед актерами. Деньги приходят по-разному. Я не хожу на приемы, презентации, разные тусовки. Как-то не люблю. Но раз пошла на

встречу с «Инкомбанком». Банкиры решили вложить деньги в новые начинания. Сейчас у меня есть опытный человек. Надеюсь, он поможет в финансовом деле.

— Что ты думаешь о нынешней ситуации в искусстве, культуре?

— Сегодня чаще выживают те, которые хотят и могут урвать, ухватить, обогатиться. Но их удача временная: в конце концов побеждают те, кто умеет дорожить талантом. Талант всегда светлый, добрый, созидающий. Это от Бога. Поэтому и несет положительную энергию. Талант должен служить, и ему следует служить. Служить праведным делом. Справедливость всегда восторжествует. Нужно уметь ждать и терпеть. Иногда ждать приходится долго. Весь двадцатый век существовал в дикой дисконструкции. В том числе театр. Пропаганда одной идеи, технические перевороты, непредвиденные изгибы. И наконец дошли до «Черного квадрата». Это искусство, эта атмосфера неустойчивости воздействовали на психологию человека. Жизненная разорванность, дисгармония оставляла след в сознании даже тех, кто довольствовался массовой культурой. И человек потерялся. Не знает, откуда он, зачем он, где он. Не знает ответа на вечные вопросы религии, философии, искусства.

— Мне думается, во все времена были люди, которые стремились примирить человека с собственной совестью, найти ответы на мучительные вопросы. Например, Андрей Тарковский. Он вел человека через ад греха, страстей, страданий к истине.

— Маленькая роль в «Зеркале» дала мне возможность прикоснуться к проблеме — откуда мы. Фильм говорил о тех духовных ценностях, которые унаследовало наше поколение интеллигенции от предыдущего, перенесшего трудные времена, войны и лишения, но сохранившего, передавшего нам духовную ответственность — самое большое богатство, которым обладали наши матери и отцы.

— Смогут ли этим богатством воспользоваться дети кибернетического века? Быть может, у них, воспитанных массмедиа, иная шкала нравственных ценностей? Захотят ли они на себя взять ответственность?

— Как собрать человека? Религию насадить нельзя. То, что насаждается, всегда внутренне отторгается. Философия слишком сложна. Пробовали рекламировать философию начала века, нашу русскую идею. Но это лишь для избранных. Путь познания слишком долгий. Остается искусство. Как во времена Возрождения, нам надо вернуться к искусству Древней Греции. Посмотрите на скульптуру. Герой, разрывающий пасть льва. Лицо спокойное — ни ярости, ни гнева. Нет искаженных, озверевших рыл, которые видим на картинах современных художников, на телеэкране, среди демонстрантов под красным флагом. Там, в Греции, — лицо. Лик. Душа спокойная, в полном согласии с космосом. Герой знал, зачем он здесь, куда потом. Потому мне так важно сейчас играть «Электру». Восстановить контакт души с собственной личностью.

Маргарита КВАСНЕЦКАЯ.